

Michaił Kotin

"Грамматическая
вариативность в славянских
языках морфонологический
аспект", Helena Rosiechina, Olsztyn
2009 : [recenzja]

Przegląd Wschodnioeuropejski 5/1, 295-301

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Dziennik to nie tylko lapidarny zapis ówczesnych faktów. Autor przelewa na papier swoje spostrzeżenia, myśli i przeżycia, często bardzo osobiste i emocjonalne. Beznamiętna narracja właściwa dziennikowi Mikołaja II została zastąpiona narracją uczestniczącą. Profesor Sobczak nie pozostawia wydarzeń samym sobie, lecz je komentuje, nierzadko wyrażając kategoryczne sądy.

Na koniec pozwolę sobie przytoczyć, już bez komentarza, jeszcze jeden fragment *Dziennika*:

(poniedziałek, 22 czerwca 1992) Rocznicą wybuchu wojny radziecko-niemieckiej. Z dr. Tegoborskim [...] zjedliśmy za 400 rb. dobry obiad w pobliskiej restauracji, a wychodząc, ujrzeliśmy staruszka w cywilu, ale w czapce generalskiej i z baretkami orderów wojennych zastanawiającego się najwidoczniej z żoną, czy wejść do restauracji *Kołobok* – i to zapewne do biedniejszej, stołówkowej części. Gdybym wtedy miał przy sobie pieniądze i czas, zaprosiłbym jako Polak jego – bohatera tej wojny na obiad. Nie wiem oczywiście, czy zaproszenie to przyjęłby? Wiec weteranów wojny na Maneżu przekształcił się z miejsca w mityng antyjelcynowski. A telewizja i radio wyszydza tych ludzi nawet dziś. Opluto już wszystko z przeszłości tego kraju...

MICHAŁ KOTIN

Zielona Góra

Helena Pocięcina, *Грамматическая вариативность в славянских языках: морфологический аспект*. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2009; 390 ss.

Монография Е. Потехиной посвящена прямому и опосредованному действию морфологических факторов в словообразовательной и словоизменительной парадигмах имени существительного, а также в обогащении лексического запаса в сфере имен существительных славянских языков.

Концепция книги сочетает традиционный подход к структуре и функциям именной парадигмы в славянских языках с новейшими методами анализа именной парадигматики в синхронии и диахронии. Сразу же заметим, что целый ряд постулатов классического структурализма, в том числе сосюрговская аксиома непреложности антиномии синхронии и диахронии в методологическом плане, в рецензируемом исследовании подвергаются аргументированной ревизии. При этом автор использует аргу-

ментацию, приводимую в современных историко-типологических исследованиях, опирающихся, в частности, на (в целом панхронически ориентированную) концепцию грамматикализации (так называемых «однонаправленных процессов» и «реанализа») в ее типологическом измерении (Т. Кутева, Б. Комри и др.), теорию «лингвистической естественности» (В. У. Дресслер, В. У. Вурцель, В. Майерталер и др.) и целый ряд других теоретических и методологических принципов, позволяющих в известной степени если не совершенно стереть, то, по крайней мере, существенно релятивировать границу между „статической” и „эволюционной” лингвистикой в понимании Ф. де Соссюра. Нужно признать, что такие попытки делались и до появления вышеупомянутых теорий. Так, уже Пражский лингвистический кружок (Н. Трубецкой, Р. Якобсон и, в особенности, Е. Курилович) выдвигает ряд основополагающих гипотез не только относительно синхронно понимаемых, асимметричных по своей сути привативных бинарных оппозиций немаркированных и маркированных единиц, но и относительно диахронических процессов, в результате которых происходит поляризация данных оппозиций, то есть маркированные члены теряют дифференциальный признак и становятся нейтральными, тогда как немаркированные, наоборот, приобретают маркирующий признак. Подобные процессы охватывают единицы всех уровней языка, однако их действие ярче всего проявляется именно на уровне морфонологии, то есть применительно к фонологическим маркерам, обладающим категориальной функцией.

Несомненным преимуществом рецензируемого труда является соединение классических постулатов морфонологии с современными концепциями причин и механизмов языковых изменений, а также включение исследуемой проблематики в широкий типологический дискурс. Помимо этого, следует отметить редкую для современных исследований черту: автор рассматривает генетические факторы морфонологии в тесной связи с ее типологическими аспектами. Обычно историко-диахронические работы, посвящённые такого рода проблемам, замыкаются либо в кругу сравнительно-исторического подхода, либо ограничиваются собственно типологией, без учета генетических аспектов.

Материалом исследования Е. Потехиной являются языковые формы, образующие парадигмы именного словообразования и именной флексии славянской группы, однако на примере близкородственных языков индоевропейской семьи автору удается показать действие определённых тенденций, выходящих за рамки собственно сравнительно-исторического ракурса и имеющих общетипологические основания.

Наконец, третьим существенным достоинством книги является рассмотрение морфонологии как феномена грамматической вариативности,

обнаруживающей системный характер как на уровне словообразования, так и на уровне словоизменения. Вариативность, в свою очередь, сопровождается действием тенденции к ликвидации морфонологических чередований в процессе широко понимаемой унификации, направленной на создание «оптимальной», в терминах «естественной» фонологии и морфологии, парадигмы, которую характеризует однозначность и «прозрачность» форм. Впрочем, автор монографии далека от постулирования однонаправленности и безусловности данных процессов, она неоднократно указывает на многофакторность фономорфологических изменений, вплоть до усложнения конфигурации форм вместо ожидаемого упрощения. Другой диахронической антиномией фономорфологии является (также анализируемое в работе на целом ряде примеров) противоречие между стремлением языка к морфонологической иконичности формы и кодируемой категориальной функции, с одной стороны, и действием принципа аналогии, с другой.

Композиция монографии отражает последовательность рассмотрения каждой из исследуемых проблем. За сравнительно кратким Введением, содержащим необходимую информацию о цели, задачах, методах исследования и структуре работы, следуют две главы, посвящённые месту морфонологии в современной лингвистике и тенденции к ликвидации морфонологических чередований

Автор подробно описывает историю вопроса – от первых работ, в которых (как, например, в знаменитом сосюрвовском «Мемуаре о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках») проводятся морфонологические исследования без какого бы то ни было терминологического определения, до новейших исследований в рамках генеративной теории и теорий лингвистической естественности (школа Вурцеля – Майерталера – Дресслера, причём в книге особый акцент сделан именно на трудах последнего). В полной мере учтены также работы российских и польских учёных, посвящённых исследуемой проблематике (среди прочих, Е. Куриловича, Р. И. Аванесова, М. В. Панова, Л. В. Щербы и его учеников), причём не только славистов, но и, например, германистов (М. М. Гухман, В. Н. Ярцевой и др.). Центральный вопрос об особом статусе морфонологии как лингвистической дисциплины рассматривается, по-видимому, в силу его неоднозначного решения языковедами, с особой тщательностью, однако по целому ряду параметров остаётся открытым. Впрочем, такое решение автора следует скорее приветствовать, чем подвергать критике. Собственно определение статуса морфонологии в ряду лингвистических дисциплин не вносит ничего существенно нового в рассмотрение центральной для данного исследования проблемы фонологических чередований, обладающих грамматико-морфологической

релевантностью. Намного интереснее и важнее показать действие морфонологических факторов в панхроническом (или „амфихроническом”, согласно П. Кипарскому) плане, а с этой задачей исследователь справляется в целом превосходно. Особое место уделяется при этом процессам оптимизации и проблемам, связанным с описанием вариативности на морфонологическом уровне, а также моделированию процессов грамматической аналогии.

Очерченные в книге контуры морфонологии и выводы относительно её применимости в сопоставительных исследованиях славянских языков позволили автору в полной мере использовать теоретическую базу и методологический инструментарий, разработанные в теоретической главе, при эмпирическом анализе состава именных парадигм в славянских языках в историческом плане. Исследовательская гипотеза, сформулированная в работе, опирается на признание ведущей роли тенденции к ликвидации морфонологических чередований, которая может быть рассмотрена как закон аналогических изменений, хотя автор в известной степени колеблется, признавать ли законом совокупность явлений, объединённых хотя и несомненной, но всё же сложно обобщаемой тенденцией (ср. с. 121–125, в особенности с. 124). Автор разделяет поэтому подход, принятый в так называемой «естественной лингвистике», который в целом сводится к описанию и систематизации отдельных аналогических процессов (там же). Это позволяет в некоторой степени соединить процессы, на первый взгляд антиномичные, то есть упрощение и, с другой стороны, усложнение грамматической и семантической подсистем языка. Существенным обогащением теоретической концепции исследования является расширение его методологической базы за счёт прагматических факторов, влияющих на морфонологические чередования, а также рассмотрение взаимодействия системы и нормы (во многом согласно пониманию данной стержневой дихотомии языковых изменений Э. Косериу) при изучении механизмов языковых изменений. Системные изменения «глобальной» природы рассматриваются наряду с действием случайных, субъективных по своей сути факторов языкового развития – со ссылкой, между прочим, на известные труды В. Доршевского (ср. с. 148).

Особый интерес представляет раздел 2.2.4. (с. 152–156), посвящённый взаимоотношениям словообразования и словоизменения с морфонологической точки зрения. Полемизируя с позицией Г. А. Хабургаева, ратовавшего за проведение ясно очерченной границы между слово- и формообразованием, автор приводит ряд примеров, показывающих взаимопроникновение обоих типов кодификации именных категориальных

и семантических функций. Поскольку принципиальных генетических различий между флексией и деривацией не существует, следует, согласно авторской гипотезе, по крайней мере в панхроническом аспекте, признать факт взаимозависимости обоих типов именных маркеров. Помимо этого, грамматические маркеры, в свою очередь, далеко не однородны. Одни из них имеют статус, близкий к агглютинативным маркерам, другие являются флексией в собственном смысле. Здесь уместно было бы привлечь труды польского германиста Ю. Дарского,¹ который вполне резонно предлагает говорить о так называемых „синтаксических экспонентах”, объединяющих как монофункциональные форманты (в частности, грамматические суффиксы), так и бифункциональные (внешнюю флексию, т.е. окончания). Относительно онтологической связи флексии и словообразования автор делает два весьма существенных замечания. Ссылаясь на работу Дресслера (1977), она отмечает феномен обратимости процессов образования флексии и словообразовательных процессов, что означает сходство обоих типов «в диахроническом отношении» (с. 154) (по-видимому, и в онтологическом тоже, и даже в первую очередь). Помимо данной ссылки, автор приводит 29-ю лингвистическую универсалию Дж. Гринберга (1963), согласно которой, если язык имеет флексию, то он всегда имеет и деривацию (там же). Здесь, однако, следовало бы обязательно отметить, что симметричное утверждение неверно, то есть наличие в языке деривации вовсе не означает обязательность в нем флексии, ср. агглютинативные языки. Поэтому сходство флексии и суффиксации (и, шире, деривации) несомненно, но не абсолютно.

В трех эмпирических главах монографии последовательно рассматриваются типы чередований: качественные консонантные чередования, количественные чередования гласного с нулем звука и количественные чередования с нарушением основы, представленные как в словоизменении, так и в словообразовании славянских языков (с. 162). Исследуются процессы преобразования праславянской системы склонения и словообразования имени существительного в трех группах славянских языков и в каждом из отдельных представителей соответствующей группы. При этом отправной точкой являются разные парадигматически обусловленные варианты, а конечным пунктом – снятие либо упрощение вариативности за счёт процессов аналогического выравнивания внутри микро- и макро-парадигм. Интересно, что при сохранении вариантности соответствующие вариантные маркеры, как правило, дифференцируются по своей семантике

¹ См.: Darski, J., *Linguistisches Analysemodell. Definitionen grundlegender grammatischer Begriffe*. 2., völlig neu bearbeitete und ergänzte Aufl. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2004; ĩāĩ ěĩ: *Deutsche Grammatik. Ein völlig neuer Ansatz*. Frankfurt a.M. u.a.: Peter Lang 2010.

(как в случае с формами типа польск. *Włosi* vs. *Włochy*) или, как минимум, получают дополнительную коннотацию, напр., в формах типа *Polaki* – *Polacy* (ср. с. 173).

В монографии рассматриваются различные ступени и виды снятия морфонологических чередований или их упрощения: сближение вариантов, их фонологическое, морфологическое, деривационное и семантическое устранение, ведущие к унификации флексии и деривационных моделей и т.п. Охвачены все типы чередований, причём показано принципиальное сходство процессов вокалической и консонантной унификации на базе аналогического выравнивания. Учтены не только литературные языки всех трёх ветвей, но и отдельные диалекты, причем на материале последних показаны, в частности, альтернативные модели развития флексийных и деривационных экспонентов. Сопоставление состава форм именного склонения и типов субстантивной деривации в нормированных литературных языках и в диалектах убедительно демонстрирует тенденцию к упрощению и унификации парадигмы в устных диалектных формах, которая именно там зачастую достигает гораздо большей степени и происходит быстрее, чем в нормированных и тем самым в известной мере «консервируемых» литературных языках. С другой стороны, диалекты могут, хотя и реже, обнаруживать больший разброс форм, воспринимаемых как равнозначный разговорный узус.

Автор весьма убедительно показывает, что при известных условиях перестройке парадигмы могут благоприятствовать фонотактические факторы, в том числе в ущерб, например, формированию парадигм по признаку грамматического рода (ср., в частности, с. 248). В других случаях несомненно, напротив, иерархический приоритет морфологических факторов. Интерпретация причин и механизмов описываемых процессов даётся при этом для каждого отдельного случая, а, с другой стороны, встраивается в систему обобщений, адекватную исследуемой парадигме в целом, рассматриваемой всегда через призму ее становления, то есть в панхроническом плане.

Особо отметим исследуемые автором монографии проблемы освоения заимствований и их морфонологической интерпретации. Убедительно показано, что в процессе адаптации заимствованных иноязычных форм происходят по сути те же самые морфонологические процессы, что и в сфере исконных словоформ родного языка, в частности, утрачиваются морфонологические чередования, смещаются морфемные границы, происходит демотивация и идиоматизация производных конструкций и т.д. (с. 334).

В Заключении подводятся общие итоги проведённого анализа и намечаются пути дальнейших исследований морфонологии в генетическом и типологическом аспектах. Автор подчеркивает, в частности, что

«решительно отказывается от распространенного мнения, согласно которому морфонологические явления анализируются исключительно внутри фонологического или морфологического (словоизменительного) уровня языковой структуры, и предлагает комплексный анализ морфонологических явлений также на уровне словообразования и на уровне лексики» (с. 350). Характерно и другое замечание автора – о неактуальности вопроса о знаковом характере единиц морфонологии (с. 351), которое было сделано и во вступительных главах труда. Считаю необходимым полностью поддержать такой подход, восходящий по своей сути к асемиотической (или, лучше, транссемиотической) концепции языкового развития Вильгельма фон Гумбольдта. Он никоим образом не ставит под вопрос знаковую природу языка, а лишь подчеркивает, что система языковых форм в ее целостности подвержена закономерностям внезапного по своей природе свойства. Таким образом, строго семиотический подход налагает на исследование языкового развития ограничения, которые в конечном итоге блокируют саму возможность адекватного объяснения причин и механизмов языковых изменений. Напротив, распространение закономерностей внезапного характера на языковые знаки вносит, как показал в своё время еще Р. Якобсон, обобщив фонологические закономерности, открытые Н. Трубецким, для языковой системы в целом, необходимую упорядоченность в анализ разноуровневых языковых форм, в том числе в генетическом и типологическом аспектах.

Монография Е. Потехиной отвечает самым насущным потребностям изучения именно парадигматики славянских языков в динамическом аспекте с учётом новейших достижений современного языкознания. Она гармонично встроена в историко-типологический и общеграмматический исследовательский контекст и содержит аргументированный критический анализ посвященных данной тематике работ и целый ряд оригинальных идей и предлагаемых решений дискуссионных и до сегодняшнего дня открытых вопросов становления именно флексии и деривации, а также лексической семантики имени существительного в её динамике.

Монография, несомненно, станет настольной книгой языковедов-славистов, компаративистов, типологов, историков славянских и, шире, индоевропейских языков, специалистов в области грамматики, фонологии и семантики, а также аспирантов и студентов самых разных лингвистических специальностей.